

ИСТОРИЯ И ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ

М. М. Бенцианов

ДВОР КНЯЗЯ АНДРЕЯ СТАРИЦКОГО И ПРОБЛЕМА «СТАРИЦКОГО МЯТЕЖА» 1537 г.¹

Итоги «старицкого мятежа»

В исторической литературе уже неоднократно отмечалась определенная сумбурность действий князя Андрея Старицкого во время его новгородского похода. Очевидно, что прямое бегство в Великое княжество Литовское, где в это время сформировалась представительная московская «диаспора», имело бы куда более значительные политические последствия. Однако в этом случае уже невозможно было бы повернуть ситуацию вспять. Поход же к Великому Новгороду давал возможность выиграть время, показать серьезность своих намерений и, с другой стороны, пойти «на попятную» в случае достижения компромисса с правительством Елены Глинской. В принципе именно в этой последовательности и развивалась хронология событий².

Подобная двойственность и желание идти на компромисс с обеих сторон отразились и на итогах «старицкого мятежа». Судьба «вассалов» князя Андрея Старицкого после этого события сложилась по-разному. Определяющее значение, скорее всего, имела их позиция во время похода к Великому Новгороду. Значительная часть старицких дворян находилась тогда в полках возле Коломны и не могла быть скомпрометирована участием «в думе» Андрея Старицкого. В частности, это наблюдение распространяется на князей Волконских. Уже в 1538 г. Потул Волконский был воеводой в Туле «за городом». Обращает внимание то, что Потул и его брат Д. В. Волконские в 1518/1519 г., т. е. до времени образования старицкого удела, также были среди воевод в Туле. Очевидно, расположение родовых вотчин князей Волконских в Алексинском и Тульском уездах предопределяло их роль в охране границ и заставляло центральное правительство «сквозь пальцы» смотреть на их удельную службу³.

С другой стороны, предательство некоторыми дворянами своего сюзерена дало им возможность повысить свой служебный статус. Например, князь В. Ф. Голубой Ростовский, загодя предупредивший великокняжеских бояр о бегстве князя Андрея Старицкого и первым покинувший его в пути, в 1538 г. был одним из воевод в Серпухове. Для него выполнение

¹ Окончание. Начало статьи см.: 2012. № 4 (50). С. 64–76.

² Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. СПб., 2010. С. 198–200; Юрганов А. Л. Старицкий мятеж // ВИ. 1985. № 2. С. 100–110.

³ Разрядная книга 1475–1598 гг. М., 1966 (далее – РК). С. 62, 91. Известна жалованная грамота князя Андрея Старицкого на село Опочня в волости Волкона, выданная Д. и Потулу В. Волконским (Волконская Е. Г. Род князей Волконских. СПб., 1900. С. 17). Потул Волконский в 1533 г. присутствовал на свадьбе князя Андрея Старицкого в качестве одного из его дворян.

«стратилатской» должности было явным служебным повышением. На удельной службе он ни разу не упоминался в разрядах. В 1520 г. он описывал земли Нового Городища. Его брат Андрей в это же время описывал замосковные волости Старицкого уезда⁴. Как правило, подобные поручения давались не самым выдающимся по своему положению дворовым детям боярским.

Впрочем, стоит отметить, что это было единственное упоминание князя В. Ф. Голубого Ростовского, равно как и его сына, в разрядах. В дальнейшем он уже никогда не достигал подобных служебных «высот».

Возможно, были конфискованы земли у некоторых активных сподвижников князя Андрея Старицкого. Впоследствии в волости Синея упоминались дворцовые села Раково и Вахново, «а преж были вотчинные». Тем не менее опала оказалась не слишком продолжительной. Уже в 1538 г. были выпущены из тюрьмы подвергшиеся торговой казни бояре и дети боярские князя Андрея Старицкого. В начале 40-х годов XVI в. многие из них вновь стали привлекаться к выполнению служб общегосударственного характера. Уже упоминался пример братьев князей Пенинских, которые регулярно привлекались в это время к воеводским назначениям. В 1540 г. одним из воевод на Костроме был князь Б. И. Палецкий⁵.

Из всех прежних вассалов князя Андрея Старицкого наиболее успешную карьеру сделал, однако, И. И. Умно́й Колычев, который в полной мере оправдал свое прозвище. В 1542 г. он фигурировал среди детей боярских, которые «в думе не живут» во время переговоров о мире с литовскими послами, под рубрикой «Старица». В том же году он был одним из воевод во Владимире. Затем, в 1547 г., он был отправлен в качестве конюшего в удел брата Ивана IV Юрия Углицкого. В 1549 г. И. И. Умно́й Колычев был пожалован в окольные, поддержав, таким образом, традицию своей семьи⁶.

Можно отметить, что некоторые из «казненных» в 1537 г. лиц продолжали пользоваться доверием московского правительства. Очевидно, не последнюю роль в этом играли их родственные связи. Аналогичным образом обстоит дело и со служилыми людьми князя Юрия Дмитровского после ликвидации в 1533 г. дмитровского удела.

Применительно к менее заметным лицам последствиями «старицкого мятежа» стали переселения в другие уезды целых групп дворовых детей боярских из этого удела. По сообщениям Воскресенской летописи, сразу же после торговой казни, которой подверглись наиболее знатные сподвижники князя Андрея Старицкого, «иных многих детей боярских князь Ондреевых переимаша и по городом розослаша». Скучность источников не позволяет отследить динамику и масштабы этого процесса. Дворовая тетрадь, наиболее полный источник по личному составу служилых людей середины XVI в., составлялась уже после реставрации старицкого удела. Соответственно, в ней не были зафиксированы дворовые дети боярские князя Владимира Старицкого, что в значительной степени снижает ценность этого источника для рассматриваемой темы. Однако анализ соседних со Старицким уездом служилых корпораций позволяет сделать некоторые выводы.

Больше всего примеров «переселений» удастся найти в бельской рубрике Дворовой тетради. Здесь можно насчитать порядка 10 имен, соотносимых со Старицким уездом. Некоторые из них определенно были связаны прежде со старицким двором. В частности, князь П. В. Голубого Ростовский был сыном упоминавшегося выше князя В. Ф. Голубого Ростовского. Вешняк Третьякова Ефимьева можно сопоставить с Вешняком Дурным Ефимовым Харламовым из «Повести о поимании», а А. и И. П. Дедевшины, скорее всего, были сыновьями известного там

⁴ РК. С. 95; ДДГ. № 103. С. 424.

⁵ РК. С. 100.

⁶ Сб. РИО. СПб., 1887. Т. 59. С. 148; РК. С. 103; *Зимин А. А.* Формирование боярской аристократии в России во второй половине XV — первой трети XVI в. М., 1988. С. 180–181.

же Прони Бекетова Дедевшина. Братья В. Винкова Бурунова Петр и Иванец в Тысячной книге фигурировали среди старицких детей боярских «княж Ондреевских Ивановича». Весьма вероятным представляется также родство А. А. Воеводина и шута Гаврилы Воеводича. Сыном В. М. Валуева, бежавшего в 1537 г. от князя Андрея Старицкого, был, скорее всего, М. В. Валуев⁷.

В остальных случаях можно говорить о возможных связях со старицким двором с большей степенью осторожности. Известно, например, что старицкими вотчинниками были Фофановы, но свидетельств, подтверждающих службу князю Андрею Старицкому А. и К. А. Фофановых, нет. То же самое можно заметить относительно Курбата и Г. А. Голостеновых, а также Я. Ф. Евлашова (Евлашкова). Обе эти фамилии были известны старицкой рубрике Дворовой тетради. Как бы то ни было, очевидно, что Бельский уезд стал территорией для достаточно компактного размещения выходцев из старицкого удела. Отсутствие указанных имен в собственно старицкой рубрике Дворовой тетради говорит о том, что процесс испомещения имел место, по крайней мере, в 40-е годы XVI в.⁸

Косвенным доказательством этого предположения являются свидетельства Можайской писцовой книги 1626–1627 г. Как заметил А. П. Павлов, эта писцовая книга использовала в качестве приправочных книг писцовые книги 1595–1598 г., которые, в свою очередь, опирались на описание Александра Семенова Упина-Слизнева 40-х годов XVI в. Соответственно, в «реликтовом слое» писцовой книги 1626–1627 г. встречается несколько сотен имен Можайских землевладельцев 1540-х годов. Среди них были, в частности, В. (вероятно, Василий Михайлов) Валуев и Жокула Новосильцев. Несмотря на наличие Можайских поместий, оба они продолжали долгое время служить по Старице. Их перевод, а также перевод Ф. А. Голостенова в состав Можайской корпорации был осуществлен, тем не менее, в 1550-е годы, поскольку оба они продолжали фигурировать в старицкой рубрике Дворовой тетради⁹. Таким образом, процесс испомещения бывших вассалов князя Андрея Старицкого в других уездах определенно начался уже, по крайней мере, в начале 1540-х годов.

Достаточно представительной была группа старицких детей боярских и в составе ржевской корпорации. В этой рубрике Дворовой тетради были записаны упомянутые П. и И. Винковы Буруновы, Шемет Ю. Ромейков с пометой «служит ис Старицы». Имя Шемета открывало список из 10 имен, встречающихся также в старицкой рубрике Дворовой тетради. Очевидно, эти переселения производились уже в 50-е годы XVI в. При этом, например, С. и Г. И. Голостеновы, как и в предыдущем случае, получили ржевские поместья уже в 1546 г.¹⁰

Анализ представленных имен показывает, что среди переселенных лиц значительная часть в событиях 1537 г. занимала сторону великокняжеской власти. Во время новгородского похода от князя Андрея Старицкого бежали князь В. Ф. Голубой Ростовский, Вешняк Дурной Е. Харламов, П. Бекетов Дедевшин, шут Г. Воеводич и В. М. Валуев.

Учитывая возвращение в 40-е годы XVI в. отцовских земель князю Владимиру Старицкому, подобное переселение должно было обезопасить их от возможной мести с его стороны. С чисто практической точки зрения, московское правительство должно было освободить поместья, занимаемые великокняжескими служилыми людьми, которые, в свою очередь, должны были получить возмещение в других местах. Не случайно в 1550-е годы собственно старицкая корпорация в составе Государева двора прекратила свое существование («почернены все»)¹¹.

⁷ ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. Прил. С. 357; Тысячная книга 1550 г. и Дворовая тетрадь 50-х г. XVI в. (далее – ТКДТ). М.; Л., 1950. С. 193–194; В соседнем Вяземском уезде служил Д. Винков Бурунов.

⁸ АРГ. № 240. С. 241; Смирнов И. И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого // Исторический архив. М., Л., 1939. Т. 2. С. 56; ТКДТ. С. 183–184.

⁹ РГАДА. Ф. 1209. Кн. 10816. Л. 966, 991, 1024; ТКДТ. С. 183.

¹⁰ ТКДТ. С. 180, 181; АСЗ. Т. 1. № 54. С. 47–48.

¹¹ ТКДТ. С. 184.

При этом можно отметить определенное число примеров продолжения службы при дворе князя Владимира Старицкого. Несмотря на восстановление в 1541 г. старицкого удела, этот удельный князь долгое время был весьма ограничен в своих правах. Достаточно вспомнить неоднократно цитируемый в исторической литературе текст жалованной грамоты А. А. Карачеву 1544 г., получившему свои земли «по великого князя приказу». В том же году дворцовые земли Верейского уезда описывал С. Пильемов, вяземский помещик, не имевший никакого отношения к старицким князьям. Вплоть до конца 40-х годов в источниках не встречаются имена бояр и детей боярских князя Владимира Старицкого. Можно только предположить, что в старицкий удел был назначен В. Замыцкий. Именно он был послухом в духовной грамоте А. А. Карачева в 1546/1547 г. В 1557 г. он вместе с дьяком Савлуком Ивановым описывал дворцовые земли Старицкого уезда¹².

Согласно росписи детей боярских, в казанском походе 1549 г. принимали участие «олексинцы». Вполне вероятно, что в это время Алексинский уезд находился в ведении центрального правительства¹³.

Только в 1548 г. становится известно, что одним из бояр князя Андрея Старицкого был князь Ю. А. Меньшой Пенинский. Впоследствии этот вельможа неоднократно встречался в разрядах в качестве удельного воеводы. Присутствовал он и на свадьбе князя Владимира Старицкого в 1550 г. В 1548/1549 г. на старицкой службе упоминался также князь Ю. В. Чапля Лыков. Его брат князь А. В. Курака был известен разряду свадьбы князя Владимира Старицкого 1550 г. Неоднократно выступал в качестве удельного воеводы И. Б. Хлызнев Колычев¹⁴.

Таким образом, несмотря на общую перемену верхушки старицкого двора, объявленную при восстановлении этого удела, отдельные лица и фамилии, служившие прежде князю Андрею Старицкому, вернулись на службу к его сыну. Число подобных примеров было невелико, но достаточно показательно. Помимо названных лиц в новом старицком уделе присутствовали Г. Д. Судок Сатин, а также сын Г. М. Мешка Валуева Иван и внук боярина князя В. А. Чернятинского Д. В. Ушатый¹⁵.

Примечательно, что среди них были лица, проявившие во время мятежа 1537 г. исключительную верность князю Андрею Старицкому. И. Б. Хлызнев Колычев, в частности, возглавлял «сторожи», и именно его отряд вступил в схватку с великокняжескими войсками. Г. Д. Судок Сатин, в свою очередь, предупредил князя Андрея Старицкого о подходе великокняжеских воевод к Старице. Судя по завещанию, тесные связи с удельными служилыми людьми сохранял Г. М. Мешок Валуев. В «шатости», в отличие от своих братьев, он не был замечен и вспоминал своего бывшего сюзерена с благодарностью («пожаловал князь Андрей Иванович»)¹⁶.

По наблюдению А. П. Павлова, значительное число старинных старицких вотчинников сумело сохранить свои земли на протяжении всего XVI в., несмотря на ликвидацию двух последовательно сменявших друг друга уделов и переход Старицкого уезда в опричное ведомство¹⁷.

¹² Смирнов И. И. Жалованная грамота князя Владимира Андреевича Старицкого. С. 59; ДДГ. № 102. С. 421; № 103. С. 423.

¹³ Курбатов О. А. Реорганизация русской конницы в середине XVI в.: идейные источники и цели реформ царского войска // Единорогъ. Материалы по военной истории эпохи Средних веков и Раннего Нового времени. М., 2009. Вып. 1. С. 227.

¹⁴ Кобрин В. Б. Материалы генеалогии княжеско-боярской аристократии XV–XVI вв. С. 102–103, 113; РК. С. 14, 124, 168.

¹⁵ Веселовский С. Б. Исследования по истории опричнины. М., 1963. С. 166; Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века // Русский дипломатарий (далее – РД). М., 1998. Вып. 4. С. 134.

¹⁶ ПСРА. СПб., 1859. Т. 8. С. 293; Т. 28. Прил. С. 357; АФЗХ. Ч. 2. № 176. С. 172.

¹⁷ Павлов А. П. Опыт ретроспективного изучения писцовых книг. С. 112–118.

Очевидно, при описываемых выше переселениях в первую очередь страдали местные помещики, происходившие из числа пришлых фамилий. На положении вотчинников ломка удельного строя отражалась в значительно меньшей степени.

Как уже упоминалось выше, князя Ю. А. Меньшой Оболенский и Д. В. Чернятинский были родственниками князя Владимира Старицкого¹⁸. Вообще, родство продолжало играть при этом дворе исключительно важную роль. Из удельных бояр родственниками старицкого князя были также князя Б. и А. П. Хованские (конюший и дворецкий, соответственно), происходившие из другой ветви этой фамилии, а также Г. и И. Т. Борисовы-Бороздины. Позднее к ним по воле Ивана IV добавился еще один близкий родственник князя Владимира Старицкого — князь П. Д. Пронский, приходившийся ему двоюродным братом. Таким образом, был частично восстановлен пофамильный (но не персональный) состав старицкой боярской думы¹⁹. Все они занимали здесь привилегированное положение.

В целом, двор князя Владимира Старицкого очень напоминал двор его отца, хотя и отличался по составу представленных в нем лиц. Здесь также присутствовало большое число выходцев из второстепенных аристократических московских родов, многие из которых были известны только по сообщениям родословных книг. Разница состояла, пожалуй, лишь в одном. Благодаря княгине Евфросинье Старицкой и ее родственникам Борисовым-Бороздыным, в составе этого двора было значительно большее число представителей тверских боярских родов. Уже говорилось, что Г. и И. Т. Борисовы-Бороздины были известны в качестве воевод князя Владимира Старицкого. По родословным данным, в том же уделе служили Б., Ф., Л. С. и Д. Н. Житовы, дети Ф. и И. И. Кашинцевых, к которым можно добавить Яньша И. Киндырева и Е. В. Ромейкова²⁰.

Согласно Тверской дозорной книге начала 50-х годов XVI в., в старицком уделе, кроме уже названных Г. и И. Т. Борисовых-Бороздыных, служили также местные мелкие вотчинники В. В. Доброго, Ф. Н. Маринин и И. П. Дягилев²¹.

Впрочем, не следует преувеличивать и значение этого обстоятельства. Даже после роспуска старицкой корпорации, состоящей из местных землевладельцев на «царя и великого князя» службе, некоторые местные дети боярские продолжали служить Ивану IV. Известно, например, что в 1560 г. в мене со старицким конюшим князем Б. П. Хованским участвовали дети боярские царя и великого князя К. и Г. В. Волкоморовы²².

Можно отметить, что двор князя Владимира Старицкого был значительно крупнее по своей численности, чем двор его отца. В нем было представлено значительно большее число собственно старицких землевладельцев, связанных друг с другом столетними традициями свойства и родства и приходившихся через Борисовых-Бороздыных родственниками самому удельному князю. Неудивительно, что подобное соотношение вызывало недоверие у мнительного и скорого на расправу Ивана IV. Как результат — периодические вмешательства московского правительства в состав ближайшего окружения князя Владимира Старицкого. Уже говорилось о том, что в конце 50-х годов в удел был определен князь П. Д. Пронский. Незадолго до 1562 г. на царскую службу был взят И. Б. Хлызнев Кольчев. Закономерным финалом подобной политики стала

¹⁸ Внуки еще одного родственника князя Владимира Старицкого — князя Ф. Д. Пронского — предпочли службу в составе Государева двора, хотя и не добились там сколько-нибудь заметных назначений. Причиной, видимо, была измена их отца, князя К. Ф. Пронского, бежавшего во время «новгородского похода» от князя Андрея Старицкого.

¹⁹ Скрынников Р. Г. Царство террора. СПб., 1992. С. 272.

²⁰ Родословная книга. Ч. 2. С. 145, 147; АСЗ. Т. 1. № 114. С. 85–86; Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 135.

²¹ Писцовые материалы Тверского уезда. С. 173, 223, 265. В. В. Доброго — «в подьячих»; Ф. Н. Маринин в 1560 г. был сыном боярским в меновой князя Б. П. Хованского с К. и Г. В. Волкоморовыми.

²² Маштафаров А. В. Старицкие монастыри в документах XVI века. С. 135.

полная замена двора старицкого князя и определение в удел совершенно новых лиц. Мать князя Владимира Старицкого Евфросинья, через родство с которой строились многие отношения в уделе, была пострижена в монахини и сослана на Белоозеро.

Недоверие, однако, в первую очередь было направлено на фигуру князя Владимира Старицкого, а не на лиц из его ближайшего окружения. Многие из собственно удельных бояр и детей боярских в скором времени сделали заметную карьеру. В частности, в 1566 г. земским боярином стал князь П. Д. Пронский, перешедший в 1570 г. в опричное ведомство. Дворянами 1-й статьи на Земском соборе 1566 г. были И. Б. Хлызнев Колычев и Ф. Р. Образцов. Блестящих служебных достижений в опричнине добился князь В. И. Темкин, ставший боярином и доверенным лицом самого Ивана Грозного. Опричным боярином стал также князь А. П. Хованский. В опричный удел были взяты и многие другие старицкие дворяне²³.

Подводя определенные итоги, можно отметить, что, скорее всего, как сама Елена Глинская, так и определенные лица из ее окружения были негативно настроены лично против удельных князей Юрия Дмитровского и Андрея Старицкого, что в условиях малолетства Ивана IV имело вполне веские оправдания. Однако подобный подход остался всего лишь эпизодом в политической истории Русского государства, не получившим в дальнейшем своего логичного продолжения.

Не случайно, смерть этой правительницы привела к частичной реанимации уделов. Помимо старицкого удела, формально восстановленного в 1541 г., в 1547 г. был создан углицкий удел князя Юрия Васильевича. Этот номинальный удел, возглавляемый слабоумным правителем и просуществовавший всего несколько месяцев, имел собственный, укомплектованный боярами, дворянами и дьяками двор. В разрядной записи упоминались, в частности, представители углицкого двора: боярин князь Ф. А. Булгаков, конюший И. И. Умной Колычев, дворецкий С. И. Жулебин, дьяки Постник Путятин, Шестак Воронин, Г. Северицын. Известны были и жалованные (подтвердительные) грамоты, выдаваемые от имени князя Юрия Углицкого в Бежецком и Углицком уездах²⁴.

Очевидно, что для этого момента преждевременно говорить о самом Иване IV как о самостоятельной политической фигуре. В стране продолжалось господство боярских группировок, которые в условиях отсутствия обычного центра власти опирались на сложившиеся представления о принципах государственного устройства. Существовавшие в ней традиции, в том числе и самые консервативные, были более или менее удачно вписаны в систему взаимоотношений государственная власть — боярская аристократия. Восстановление в правах старицкого удела, создание углицкого удела доказывают заинтересованность ряда боярских фамилий в продлении удельной системы.

Стоит отметить, что боярин князь Д. Ф. Палецкий, занимавший видное положение в боярской думе, во время династического кризиса 1553 г. соглашался перейти на сторону князя Владимира Старицкого в случае восстановления углицкого удела. Данный пример при всей его относительности демонстрирует готовность некоторых лиц, в том числе и весьма высокого ранга, переходить на удельную службу.

Удельная система находила понимание и поддержку также со стороны самого Ивана IV. В 1560 г. углицкий удел был вновь восстановлен. У князя Юрия Углицкого Иван IV создал «особно бояр и дворецкого и дьяков и дворян и стряпчих и всяких приказных людей, как довлеет быти всякому государьскому чину». В состав боярской думы этого удела вошли

²³ Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 228, 272, 332, 436.

²⁴ РК. С. 115; Акты, относящиеся до гражданской расправы древней России. Киев, 1860. Т. 1. С. 113; Антонов А. В. Вотчинные архивы кашинских и угличских монастырей и церквей XV — начала XVII века // РД. М., 1998. Вып. 3. С. 212.

князя И. А. Куракин, Д. С. Шестунов и А. И. Прозоровский. Близок по своей структуре к удельным дворам был также двор царя Симеона Касаевича, получившего Звенигородский уезд²⁵. Впоследствии он по своему завещанию предполагал масштабное разделение страны между своими сыновьями Иваном и Федором.

Т. е. удельно-вотчинная система, рассматриваемая А. Л. Юргановым в работе, посвященной осмыслению и оценке категорий русской средневековой культуры, «как система разделенной семейной собственности с правом верховной власти в распоряжении всей территории государства», отвечала интересам не только правящей династии, но и определенных кругов служилых людей. В этом отношении можно согласиться и дополнить мнение этого исследователя о «бессмысленности борьбы за ликвидацию удельной системы» как со стороны великих князей московских, так и со стороны их ближайшего окружения²⁶.

Другой вопрос, какая удельная система устраивала заинтересованные стороны. На протяжении XV и XVI в. постоянно осуществлялся процесс «подгонки» удельных княжеств под общегосударственные стандарты. Сами удельные князья постепенно теряли свои права, превращаясь со временем в номинальные (церемониальные) фигуры, реальная власть над владениями которых переходила в руки исполнителей из центрального аппарата.

Наиболее отчетливо эта тенденция проявлялась применительно к удельным служилым людям. С их точки зрения, удельная служба обладала целым рядом преимуществ. Анализ состава двора князя Юрия Дмитровского показывает, в частности, что службу этому князю в начале XVI в. выбрало значительное число лиц различного уровня знатности и служебного положения, в том числе и бывшие члены Государева двора. Многие из них в поземельном отношении не были связаны с территориями собственно дмитровского удела. Десятки дворовых детей боярских из разных уездов Русского государства перешли в 50-е годы XVI в. на службу к царю Симеону Касаевичу. Этот выбор был обусловлен причинами объективного характера.

Трудно сказать, когда и в каком объеме утвердилось в Русском государстве требование обязательной службы. Тверская писцовая книга начала 50-х годов XVI в. свидетельствует о том, что значительная часть мелких тверских вотчинников вообще не была обременена служебными обязанностями²⁷. Тем не менее очевидно, что подобный подход в это время был уже неприемлем для более крупных землевладельцев, особенно в центральных уездах страны. Процесс перехода на обязательную службу был далеко не прост. Не случайно распространение поместной системы в конце XV в., прямо связанной с обязательной службой, встретило неоднозначное отношение со стороны служилых людей. Многие новгородские помещики, как среди представителей знатнейших княжеских и боярских родов, так и среди рядовых фамилий служилых людей, оставили выделенные им новгородские поместья. Недостаток источников не позволяет оценить масштабы этого процесса, но имена некоторых новгородских помещиков встречаются позднее на службе у удельных князей. Статус удельных князей защищал служилых людей от принудительных и полупринудительных переселений на окраины Русского государства, где в конце XV — первой трети XVI в. активно создавались новые поместные корпорации.

С другой стороны, очевидно, что удельная служба была далеко не так обременительна, как собственно государева служба. Еще А. А. Зимин заметил, что, несмотря на перманентное военное положение страны в первой трети XVI в., полки князя Андрея Старицкого, например, были упомянуты в разрядах всего только один раз. В целом ряде походов, в том числе и отдаленных, войска этого князя, скорее всего, вообще не принимали участия под теми или иными предлогами.

²⁵ ПСРЛ. Т. 13. С. 329; Скрынников Р. Г. Царство террора. С. 143; Бенцианов М. М. Служилые люди князя Юрия Дмитровского // ДРВМ. 2010. № 2 (40). С. 65–68.

²⁶ Юрганов А. Л. Категории русской средневековой культуры. М., 1998. С. 144, 170–171.

²⁷ Кром М. М. Вдовствующее царство: политический кризис в России 30–40-х гг. XVI века. С. 372.

Не менее сложно было центральному правительству контролировать численность и состав удельных полков и добиваться наказаний за неявку на службу. «Повесть о поимании» прямо приводит эпизод, связанный с отправкой старицких отрядов на службу в Коломну. Специально присланный в Старицу князь Б. Д. Щепин Оболенский должен был смотреть, «чтобы пред ним князь Ондрей Иванович послал на Коломну воеводу своего и кольцо с ним пошлет детей боярских». Из позднейшего описания событий выясняется, что в составе этих отрядов не было лиц из ближайшего окружения старицкого князя, число которых составляло, по крайней мере, несколько десятков человек. Избежал «коломенской службы» также Я. Веригин, позднее прискакавший в Старицу с вестью о приближении московских полков.

При этом, несмотря на позднейшие местнические предубеждения, удельная служба до определенного времени давала возможность некоторым фамилиям московской аристократии «удерживаться на плаву», сохраняя свои «честь» и положение в бурных перипетиях придворной межклановой и политической борьбы. Статус удельного боярина стоял всего лишь на одну ступень ниже, чем звание великокняжеского боярина, что способствовало в дальнейшем обратным переходам.

Известно, например, что многие из князей Оболенских служили в конце XV в. в уделах у братьев Ивана III. Князю Андрею Углицкому служил, в частности, князь В. Н. Оболенский, князю Борису Волоцкому — его брат Петр. Князь В. Н. Оболенский стал родоначальником известных впоследствии боярских фамилий Курлятевых и Хромого. Скорее всего, правы был Алеф и А. А. Зимин, считавшие, что причиной подобного перехода братьев была родовая система наследования чинов (квоты). В углицком дворе князь В. Н. Оболенский стал одним из виднейших бояр, что впоследствии позволило его потомкам добиться высокого положения при Государевом дворе²⁸. Сходная ситуация сложилась и в случае И. И. Умного Колычева. К моменту создания старицкого удела его старшие братья «прозябали» в новгородских поместьях без перспектив карьерного продвижения. Его служба в качестве дворецкого при князе Андрее Старицком позволила стать через несколько лет окольным уже Ивана IV. Удельные дворы, таким образом, выступали в качестве «запасных аэродромов» для представителей боярской аристократии.

Вряд ли подобное положение вещей устраивало центральное правительство, находившееся в ситуации хронической нехватки служилых людей. Особенности удельной службы подавали «дурной» пример для собственно государевых служилых людей, которые при случае могли пополнить собой число вассалов удельных князей. В частности, призыв князя Андрея Старицкого во время событий «старицкого мятежа»: «А вы поидите ко мне служить» — нашел отклик среди новгородских помещиков. В отличие от собственно старицких бояр и дворян, отделавшихся торговой казнью, судьба этих помещиков сложилась куда более трагично. Тридцать человек были повешены вдоль дороги в назидание другим служилым людям.

Наступление на права удельных князей и, в частности, на традиционное право свободного перехода служилых людей началось еще в середине XV в. В условиях Феодальной войны подобные переходы рассматривались уже как прямая крамола. В руки великокняжеской власти перешли некоторые земли бояр М. Ф. Сабурова и И. Ф. Старкова, проявивших «шатость», не говоря уже о вотчинах изменников И. Д. Всеволожа и Н. К. Добрынского²⁹.

Столь же жестко и бескомпромиссно действовал Иван III в эпизоде с отъездом великолуцкого наместника князя И. В. Лыко Оболенского к его брату князю Борису Волоцкому. В нарушение межкняжеских соглашений тот был захвачен в своих боровских вотчинах и в оковах отправлен в Москву.

²⁸ Alef G. Aristocratic Politics and Royal Policy in Muscovy in the late fifteenth and early sixteenth centuries // Forschungen zur osteuropäischen Geschichte. 1980. Bd. 27. S. 101.

²⁹ Веселовский С. Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 188–189, 399.

Удельные князья первой трети XVI в. уже не стремились отстаивать свои права в этом вопросе. Безропотно согласился на «изымение» князей А. М. и И. М. Шуйских, перешедших на его службу, князь Юрий Дмитриовский. В этой же связи можно вспомнить эпизод присяги князей Юрия Дмитриовского и Андрея Старицкого малолетнему великому князю Ивану после смерти Василия III. Эти удельные князья обещали, что «государства им под великим князем Иваном не хотети, ни людей им от великого князя Ивана к собе не отзывать».

Сохранившиеся тексты поручных грамот прямо свидетельствуют о том, что порука по опальным вельможам давалась на случай, если он «куды отъедет или збежит». В первом случае, безусловно, речь шла о возможности отъезда к удельным князьям. Прямое упоминание о запрете отъезда в уделы содержалось в крестоцеловальной грамоте М. А. Плещеева 1532 г.³⁰ Трудно сказать, насколько массовый характер носила подобная практика. Очевидно, представители высших эшелонов Государева двора, равно как и удельных дворов, были связаны подобными крестными целованиями. Крестное целование пытался сложить в 1537 г., в частности, стольник князя Андрея Старицкого князь И. Ших Чернятинский. Сложно оценить реальную эффективность этих мер. Понятно, что в этом вопросе явный перевес был на стороне великокняжеской власти, обладавшей значительными ресурсами для переманивания на свою службу бояр и детей боярских удельных князей. Анализ сохранившихся источников говорит об одностороннем характере этого процесса. Всего за первую треть XVI в. известно достаточное количество примеров переходов удельных служилых людей на великокняжескую службу. Можно отметить широкую социальную среду подобных переходов. На службу к Василию III переходили, в частности, виднейшие представители дмитровского двора, подобные И. В. Облязу Вельяминову, дворовые (И. С. Рудной Сурмин) и городовые (М. и В. Ельчаниновы, И. Луни Мечнянинов) дети боярские.

С другой стороны, пожалуй, только в случае В. И. Шадрина можно говорить об обратном переходе, со службы Василию III в удел князя Юрия Дмитриовского. Однако это событие произошло после продолжительного татарского плена, сам факт которого мог служить основанием для прекращения прежних вассальных обязательств.

На примере дмитровского удела можно констатировать, что сразу после его создания состав служилых людей князя Юрия Дмитриовского оказался фактически законсервированным. Новые фамилии появлялись здесь из числа вассалов других удельных князей. Аналогичным образом обстоит дело, видимо, и в случае со старицким двором. Здесь также можно говорить о проникновении в его состав определенного количества лиц, находившихся прежде на службе у князей Дмитрия Углицкого и Федора Волоцкого, а также несвязанных служебными обязательствами новиков (И. Б. Хлызнев Колычев) и новокрещеных (В. Баранчеев). Основным источником пополнения дмитровского и старицкого дворов становились, однако, сыновья удельных бояр и детей боярских, что способствовало созданию собственно удельных династий среди служилых людей. Следы подобных династий на примере князей Лыковых, Мешковых Валуевых, Хлызневых-Колычевых, Сатиных прослеживаются в дворах князей Андрея и Владимира Старицких.

В результате ситуация с личным составом удельных дворов превращалась в своеобразный замкнутый круг: чем больше усилий предпринималось по ограничению их составов, тем более тесными становились их внутренние связи. Если добавить к этому естественное сближение удельной элиты со своими князьями, проявлявшееся в брачных и, возможно, крестнородственных отношениях, то вырисовывалась не самая радужная для центральной власти картина, имевшая далеко идущие политические последствия, особенно при наличии тесных контактов представителей

³⁰ Антонов А. В. Поручные записи 1527–1571 годов // РД. М., 2004. Вып. 10. С. 10.

удельных дворов со своими родственниками на государственной службе. Именно подобные контакты сыграли свою роль во время династического кризиса 1553 г.

Как следствие, возникала необходимость периодического вмешательства центрального правительства, проявившегося в определении на удельную службу доверенных лиц и соглядатаев, переманивании на свою службу удельных бояр и детей боярских и, как исключительная мера, роспуска удельных дворов. Можно говорить об определенной логичности как самого «старицкого мятежа» 1537 г., так и последующего восстановления старицкого удела. Оба эти события были отражением существующих при московском дворе политических традиций, демонстрируя их крайние формы в условиях продолжающейся борьбы за власть. Можно заметить, что внимание к судьбам удельных князей и, соответственно, удельным дворам значительно повышалось во время политических кризисов, подобных, например, периоду боярского правления или опричнине (и предшествующих опричнине лет, начиная с 1563 г.), а также во время собственно династических кризисов (1533, 1537, 1553 г.). В более спокойной политической атмосфере уделам придавалось гораздо меньшее значение, соответствующее их реальному, достаточно скромному положению в системе русской государственности. В этом отношении трудно говорить о значении «старицкого» вопроса в контексте внутренней политики Русского государства XVI в. и рассматривать его окончательное решение в качестве приоритетного направления бурных и кровавых перемен опричного времени.